

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ГРЕХИ ВЫСШЕГО
ОБЩЕСТВА

КНИГА 4. ПРЕСТОЛ

18+

Dark romance

Алексей Чернявский

**Грехи высшего общества.
Книга 4. Престол**

«Автор»

2026

Чернявский А. А.

Грехи высшего общества. Книга 4. Престол / А. А. Чернявский — «Автор», 2026 — (Dark romance)

Мы сломали британских лордов, выжгли картели во льдах Арктики и поставили на колени Уолл-стрит. Нам казалось, что империя принадлежит нам. Но в тишине закрытого пентхауса на стол лег черный конверт с гербом Кремля. Нам предложили отдать контрольный пакет и склонить головы перед теми, кто правил этой страной из тени тридцать лет. Либо приготовиться к войне на уничтожение. Они привыкли, что перед ними трепещут министры и олигархи. Но Кирилл Северский не умеет отдавать свое. А я больше не испуганная наследница долгов — я соправительница континента, держащая за горло все его артерии. Мы не станем делить эту власть. Мы придем в Кремль и заберем сам престол. Финальный, четвертый том грандиозной остросюжетной саги «Грехи высшего общества». Битва за престол великой державы, абсолютная власть и любовь, ставшая законом империи. 18+

Алексей Чернявский

Грехи высшего общества. Книга 4. Престол

Глава 1

В гостиной пентхауса на Крестовском острове стояла такая плотная, свинцовая тишина, какая бывает в эпицентре взрыва за секунду до прихода ударной волны.

За трехметровыми панорамными стеклами валил густой, тяжелый декабрьский снег. Финский залив спал под белым ледяным саваном, сосны Приморского парка Победы казались застывшими черными исполинами, а на полированном сланцевом полу у дивана дотлевали малиновые угли камина из дикого базальта.

На низком столике из черного кварцита лежал лист плотной гербовой бумаги с водяными знаками кремлевской канцелярии.

Рядом валялся вскрытый тяжелый конверт из черного сафьяна с золотым тиснением государственного орла и срезанными сургучными печатями фельдъегерской спецсвязи: *«Особая папка. Лично в руки. Без права копирования»*.

Строки, выведенные черными чернилами каллиграфическим, убористым почерком, казались выжженными на сетчатке:

«Абсолютная власть в этой стране не делится на двоих.

Вам предстоит сделать финальный выбор: Либо добровольная передача пятидесяти одного процента акций холдинга под прямой скинстр верховной власти и статус почетных наместников... Либо лобовая, беспощадная схватка за сам государственный трон России.

Третьего пути нет.

Готовьтесь к инаугурации. Или к войне».

Агния сидела на краю дивана, сбросив кашемировый плед на пол.

На ней было простое домашнее платье из тонкого черного шелка на тонких бретелях, открывавшее мраморную белизну ключиц и тонкий серебристый след зажившего ранения. Ее темные шелковистые волосы волнами рассыпались по обнаженным лопаткам. В тонких пальцах она держала остывшую чашку чая, но не делала ни глотка.

Ее взгляд — темный, расширенный, лишенный сна — был прикован к личной монограмме внизу письма: переплетенным золотым буквам, обозначающим не фамилию министра или генерала, а символ закрытой структуры, о существовании которой не знали даже в правительстве.

— «Коллегия Семи», — негромко произнесла она. Голос прозвучал с пугающей, хрустальной сухостью, разрезав тишину, как скальпель. — Это не распоряжение Администрации Президента, Кирилл. И не решение Совета Безопасности.

Она подняла глаза на мужа: — Это письмо от тех, кто создал саму систему.

Кирилл стоял у панорамного окна, заложив руки в карманы темно-серых брюк.

Его белая сорочка была растегнута на три верхние пуговицы, открывая мощную шею и рельефные ключицы. Рукава были закатаны до локтей, обнажая старые белесые шрамы от огня на левом предплечье. В свете камина его профиль казался высеченным из темного приморского гранита: тяжелая челюсть сжата так, что на висках пульсировали вены, серые глаза неотрывно смотрели на заснеженные огни ночного Васильевского острова на противоположном берегу Малой Невы.

Он медленно повернулся, подошел к столику и наступил босой ногой на край сброшенного пледа.

Его взгляд скользнул по черному сафьяну: — В девяносто первом году, когда рушился Союз, семеро человек — трое секретарей ЦК, двое генералов Первого главного управления КГБ и двое теневого финансистов Госбанка — подписали закрытый пакт о преемственности. Они не пошли в открытую политику. Они создали закрытый Ареопак, оставив за собой право

утверждать каждого премьера, контролировать тайные золотые эшелоны и сбрасывать неугодных олигархов в небытие.

Северский наклонился над столом, оперся кулаками о кварцит: — Барышев в Москве, Оболенский в Смольном, даже твой отец и лорд Харрингтон в Лондоне... Они были всего лишь фасадными управляющими. Собаками на поводке. Ареопаг спустил их с цепи, чтобы переломить нас, но мы выбили им зубы по очереди.

Кирилл выпрямился, и в его голосе загремела та самая глухая, первобытная ярость, которая не оставляла пленных: — Мы забрали у них сто сорок миллиардов евро в Альпах. Мы забрали сто двадцать тонн золота в Шанхае. Мы выкупили их биржу на Уолл-стрит. И теперь старики в Кремле поняли, что потеряли контроль над собственной страной.

— Они не предлагают компромисс, Кирилл, — Агния опустила чашку на блюде с коротким фарфоровым звоном.

Она поднялась на ноги, шелк платья заструился вдоль ее стройного тела: — Пятьдесят один процент акций «Север Ассетс» означает смену состава совета директоров за двадцать четыре часа. На следующий день после подписания они признают наши швейцарские эскроу-счета токсичными, аннулируют право первой подписи и изолируют нас в закрытом санатории под Барвихой без права связи с внешним миром. А через полгода в прессе появится некролог о трагической гибели молодых супругов-миллиардеров от утечки газа.

Она подошла к нему вплотную, остановившись в полushаге. Ее ладони легли на его широкую грудь, ощущая сквозь тонкий хлопок сорочки мощный, размеренный стук его сердца: — Они не простят нам то, что мы отказались встать на колени перед их декретами. Они заставят нас заплатить за каждую секунду их страха.

Кирилл медленно поднял руки, его ладони — тяжелые, сухие, горячие — легли на ее обнаженные лопатки, притягивая ее к себе с сокрушительной силой.

Он наклонился, его губы коснулись линии ее челюсти, обжигая чувствительную кожу дыханием: — Они опоздали с ультиматумом на четыре месяца, Агния. В августе они могли сломать испуганную девочку с фальшивым векселем и контуженного рейдера с Балтийского завода. Но сегодня перед ними стоит сила, способная обесточить эту страну щелчком тумблера.

Он вперился взглядом прямо в ее темные ореховые глаза: — Ты готова войти в их Кремль не просительницей, а судьей?

На губах Агнии заиграла та самая ледяная, надменная улыбка, перед которой вчера в Нью-Йорке дрожали сенаторы и банкиры Уолл-стрит: — Я готова стереть этот Ареопаг в пыль, Кирилл. До самого фундамента.

В два часа ночи кабинет пентхауса превратился в штаб закрытой военной операции высшего уровня секретности.

За длинным столом из черного сланца сидели трое: Кирилл, Агния и начальник службы безопасности Глеб.

Глеб сменил парадный костюм на строгий темно-серый свитер и тактические брюки, его кобура с автоматическим «Стечкиным» открыто висела на плече.

Перед Агнией стоял армейский ноутбук, подключенный к защищенному спутниковому терминалу через квантовый шифратор контрразведки. На стене над столом мерцал широкоформатный монитор, на котором разворачивалось закрытое досье под грифом: *«ОСОБАЯ ПАПКА / ОБЪЕКТ "АРЕОПАГ-7"»*.

Агния вскрыла архив, используя алгоритмы погибшего следователя Воронова и титановый мастер-ключ Марка, снятый с тела брата на шестнадцатой линии.

— Смотрите сюда, — ее пальцы быстро вывели на экран семь портретов.

Семь пожилых мужчин с холодными, лишенными эмоций лицами советской номенклатурной закалки: — Лидер коллегии — **Аркадий Вадимович Шелехов**. Восемьдесят один год. Бывший первый заместитель начальника Пятого управления КГБ СССР, ныне — неглас-

ный почетный председатель закрытого фонда ветеранов госбезопасности «Щит Отечества». Человек, который лично курировал назначение трех последних генеральных прокуроров и двух директоров ФСБ.

Она перевернула виртуальную страницу: — Номер два — **Савелий Морозов**. Семьдесят восемь лет. Бывший председатель правления Внешэкономбанка СССР. Контролирует сеть теневых клиринговых палат на Кипре и в Ливане, через которые тридцать лет финансировались перевороты и заказные банкротства.

Агния показала финансовую диаграмму: — Остальные пятеро — это кураторы оборонного комплекса, Гохрана и закрытой транспортной инфраструктуры специального назначения. Именно они стоят за созданием картеля «Альтаир» и именно они давали директивы покойному Барышеву.

— Где их уязвимость? — Кирилл оперся ладонью о край стола, не сводя глаз со снимков.

— В их собственном золоте, — в глазах Агнии вспыхнул тот самый опасный аналитический азарт, который превращал ее из хрупкой женщины в карающий меч.

Она приблизила выписку из закрытых реестров Центрального банка РФ: — В девяносто третьем году, во время хаоса в Москве, «Коллегия Семи» оформила тайный трастовый акт номер ноль двадцать два: сорок процентов золотого резерва Государственного хранилища — триста двадцать тонн физического золота — были тайно списаны как «потери при транспортировке» и переведены на баланс закрытого швейцарского фонда *Helvetia Security Vaults* в кантоне Ури.

Она постучала ногтем по экрану: — Все эти тридцать лет Ареопак держал высших руководителей страны на крючке именно этим золотом: они угрожали вбросить эти объемы на мировой рынок и обвалить рубль до нуля в любой удобный момент. Но они совершили фатальную ошибку: управляющим швейцарского фонда числился граф Генрих фон Валленштейн. Тот самый старик, чью базу на острове Большевик мы подорвали двое суток назад.

Кирилл выпрямился, его челюсти сжались в хищном оскале: — А цифровые ключи от швейцарского фонда Валленштейна?..

— Лежат в моем дипломате, — Агния открыла сейфовый отсек своего ноутбука. — Я сняла дампы его серверов за пять минут до того, как база «Олимп» рухнула в океан. Юридически и фактически право первой и единственной подписи под золотым трастом Ареопага принадлежит мне.

Она посмотрела на мужа: — Мы держим за горло не просто их миллиарды. Мы держим в руках компромат, который уничтожит их имена в истории за один телевизионный эфир.

Глеб тяжело выдохнул, покачав головой: — Шеф, это приговор. Если Шелехов поймет, что эти документы у вас... они бросят на ликвидацию все оставшиеся штурмовые спецподразделения столицы. В Москве введен комендантский час для правительственных трасс.

— Нас ждут в четверг в полдень в Георгиевском зале, — произнес Кирилл. — Шелехов уверен, что у него есть шесть дней, чтобы подготовить капкан. Он ждет, что мы будем дрожать в Петербурге и торговаться за доли процента.

Северский повернулся к начальнику безопасности: — Мы не станем ждать четверга, Глеб. Мы выдвигаемся в Москву сегодня ночью.

— На самолете? — нахмурился Глеб. — После инцидента под Клином небо над Тверской областью контролируют расчеты ПВО, завязанные на людей Морозова. Любой правительственный борт могут «случайно» сбить системой свой-чужой.

— Никаких самолетов, — отрезал Кирилл. — Мы пойдем по земле. Подготовь бронированный литерный спецпоезд фонда «Северный Экспресс» на закрытом терминале Витебского вокзала. Четыре вагона: бронекапсула шестого класса, автономный генератор РЭБ и платформа сопровождения с двумя бронеавтомобилями «Тайфун».

Кирилл впери́л в безопасника стальной взгляд: — Никаких пассажирских расписаний. Идем по закрытой правительственной ветке Октябрьской железной дороги с приоритетом «Литер-А». В шесть утра мы должны войти на Ленинградский вокзал Москвы.

— Принято, шеф, — Глеб поднялся, застегнул куртку и быстрым шагом покинул кабинет.

В половине четвертого утра в пентхаусе снова воцарилась тишина.

До выезда бронекolonны на Витебский вокзал оставалось меньше сорока минут.

В гостиной горел лишь тусклый свет углей в камине. Агния стояла у каминной полки, одетая в дорожный костюм: приталенные брюки из черной плотной шерсти, шелковая блузка цвета графита и высокий жакет с серебряными пуговицами. На ее пальце мерно холодил кожу платиновый ободок кольца.

Она смотрела на огонь, ее плечи были слегка опущены.

Кирилл подошел неслышно.

Он уже надел тяжелое черное шерстяное пальто, под которым скрывался титановый бронежилет и наплечная кобура с «Удавом». Его высокая фигура накрыла ее своей тенью.

Он остановился за ее спиной, его руки — сильные, горячие — бережно легли на ее плечи, скользнули вниз по рукам, переплетая свои пальцы с ее пальцами.

Агния откинула голову назад, прижавшись затылком к его широкой груди, закрыв глаза.

— Ты боишься, Агния? — тихо, прямо в ее ухо спросил он.

В его голосе не было проверки — была бездонная, уязвимая нежность человека, готового принять любой ее ответ.

Агния медленно повернулась в кольцо его рук.

Ее лицо было бледным, но прекрасным, как чеканная платина. Ее тонкие пальцы поднялись, коснулись его жесткой челюсти, скользнули по тонкому заживающему рубцу на левой скуле: — Я боялась только один раз в жизни, Кирилл. Когда на мосту во Владивостоке пуля наемника прошла в сантиметре от твоего виска.

Она заглянула прямо в его серые, потемневшие зрачки: — Я не боюсь их тюрем. Не боюсь их судов и их генералов. Я знаю, кто мы такие. Мы сожгли их картели, очистили Арктику и забрали этот континент себе.

Ее губы дрогнули в едва заметной, пьянящей улыбке: — Я пойду за тобой куда угодно, Кирилл. На плаху или на престол. Но мы вернемся оттуда со скипетром в руках.

Северский глухо застонал, его руки сомкнулись вокруг ее талии, приподнимая ее над полом, прижимая к своей груди с сокрушительной, первобытной мощью.

Его губы накрыли ее губы.

Поцелуй у догорающего камина на Крестовском острове был глубоким, жадным, полным вкуса соли, терпкого кофе и нерушимой клятвы стоять насмерть. В нем не было места сомнениям. Они были двумя правителями, вышедшими на финальную охоту.

Кирилл отстранился, его глаза горели яростным победным огнем: — Машины поданы, волчица. Пора на вокзал.

В четыре часа утра закрытый грузовой дебаркадер Витебского вокзала Санкт-Петербурга тонул в клубах пара и ледяной метели.

В тупике под навесом стоял специальный бронированный состав «Северный Экспресс».

Четыре вагона матового темно-серого цвета без номеров и ведомственных обозначений. Тяжелые бронированные плиты толщиной в тридцать миллиметров закрывали борта и окна, на крыше головного штабного вагона тускло поблескивали купола комплекса радиоэлектронного подавления «Красуха-Полус», глушившего любые радиосигналы в радиусе километра.

Тепловоз ТЭП70 с форсированным дизелем гудел на холостых оборотах, выдувая горячий воздух в морозную мглу.

Кортеж из трех «Гелендвагенов» влетел прямо на перрон дебаркадера.

Двенадцать бойцов личной охраны Северского в полном штурмовом снаряжении заняли позиции по периметру состава за двадцать секунд.

Кирилл помог Агнии подняться по стальному трапу в штабной вагон.

Герметичная бронированная дверь захлопнулась с тяжелым механическим лязгом гидравлических ригелей.

Внутри вагона царил атмосфера сухого военного штаба, соединенного с приватным комфортом бронепоезда: рабочий зал с дубовым столом, спутниковые экраны контроля трассы, спальное купе и оружейная комната с полным арсеналом армейского спецназа.

Дизель взревел. Состав плавно стронулся с места, набирая скорость, рассекая колесами стыки рельсов, уходя в темноту ночи — по главному ходу Октябрьской магистрали в сторону Москвы.

Шесть часов утра.

Поезд несся сквозь Тверскую область на скорости сто шестьдесят километров в час.

За бронированными амбразурами мелькали заснеженные сосны Валдайской возвышенности, укрытые сплошным одеялом метели.

Агния сидела за рабочим столом штабного вагона, делая глоток горячего чая. Рядом стоял Кирилл, изучая графики движения поезда, непрерывно передаваемые начальником станции Бологое.

Внезапно экран правительственного терминала спецсвязи «Кавказ» на столе вспыхнул тревожным алым транспарантом.

ПИП! ПИП! ПИП!

Высокочастотный зуммер аварийного разрыва закрытого канала разрезал тишину вагона.

На мониторе появилось искаженное рябью помех изображение: Кабинет генерал-майора Селезнева в здании Департамента военной контрразведки на Лубянке.

В кадре не было генерала за столом. Камера мобильного терминала дрожала, транслируя сцену с верхнего угла книжного шкафа: В кабинете стояли шестеро офицеров Центра специального назначения ФСБ «Альфа» в черной штурмовой броне и балаклавах с автоматами наизготовку.

Генерал-майор Селезнев стоял у стены с заломленными за спину руками. На его запястьях защелкивались тяжелые вороненые наручники.

Перед генералом стоял сухой пожилой мужчина в штатском пальто с генеральской каракулевой папашой в руках — заместитель председателя Следственного комитета, входивший в ближний круг Шелехова: — Селезнев Виктор Павлович, вы отстранены от должности по подозрению в государственной измене и пособничестве незаконным финансовым формированиям. Здание управления блокировано. Сдайте служебное удостоверение.

Селезнев поднял голову прямо на скрытую камеру.

Его обветренное лицо было бледным, но в глазах горела бешеная, последняя ярость. Он успел выкрикнуть в объектив за секунду до того, как связь оборвалась: — Кирилл! Неходи на вокзал! Они вскрыли приказ «Олимп»! Город перекрыт дивизией Дзержинского! Ареопак начал чистку!..

ТРЕСК.

Экран разорвало полосами мертвого белого шума.

Связь с военной контрразведкой в Москве погасла навсегда.

В штабном вагоне бронепоезда повисла могильная тишина.

Только колеса мерно стучали на стыках рельсов: *тук-тук, тук-тук, тук-тук.*

Агния медленно опустила чашку на стол.

Ее лицо стало белым, как снег за бронированной стеной вагона. Селезнев — их единственный щит внутри силового блока столицы — был нейтрализован. Государственная машина перешла в наступление, не дожидаясь четверга.

Кирилл медленно опустил ладонь на рукоять пистолета «Удав» на поясе.

Его челюсти сжались с глухим, страшным звуком, серые глаза потемнели до цвета ночного базальта.

Он посмотрел на настенный хронометр: До въезда бронепоезда в пределы Московской кольцевой железной дороги оставалось ровно сорок пять минут.

Северский повернулся к жене.

На его губах заиграла та самая смертоносная, первобытная улыбка хищника, который понял, что мосты сожжены, и впереди осталась только тотальная война:

— Они сделали первый ход, Агния.

Она поднялась со своего места, ее пальцы защелкнули замки титанового дипломата с золотыми шифрами Госфонда.

В ее глазах полыхнуло темное пламя абсолютной, несокрушимой власти:

— Значит, мы сделаем последний, Кирилл. Переведи поезд на боевой режим. Мы въезжаем в Москву на штурм.

Глава 2. Рубеж на МКАД: Огонь по стрелкам

В шесть часов тридцать минут утра предрассветная мгла за бронеплитами «Северного Экспресса» стала пепельно-серой, словно сырой свинец.

Метель над Подмосковьем переросла в тяжелый, свистящий буран. Снежная крупа с сухим шорохом секла тридцатимиллиметровую матовую броню бортов, за которыми с глухим, размеренным рокотом на скорости сто шестьдесят километров в час молотил шестнадцатилитровый дизель Коломенского завода. За узкими щелями бронестекл штабного вагона сплошной белой стеной проносились заснеженные перелески под Клином и Солнечногорском. Стыки рельсов отдавались в подошвах тяжелой, нарастающей вибрацией: *тук-тук, тук-тук, тук-тук*.

Внутри командного отсека стояла гулкая, сдавленная тишина, пропитанная запахом оружейного масла, нагретого кабельного пластика и остывшего горького кофе.

На центральном столе мерцал погасший экран терминала спецсвязи «Кавказ». Последние слова генерала Селезнева, произнесенные перед тем, как вороненые браслеты наручников замкнулись на его запястьях в собственном кабинете на Лубянке, висели в воздухе невидимым погребальным колоколом.

«Кирилл! Не входи на вокзал! Город перекрыт дивизией Дзержинского! Ареонаг начал чистку!..»

Кирилл Северский стоял у длинного стола оперативного планирования, заложив большие пальцы за ремень тактической разгрузки.

Его тяжелое шерстяное пальто было расстегнуто, открывая монолитную черную плиту бронезиловки шестого класса с титановыми накладками и спаренные магазины к автомату СР-3М «Вихрь». Рукава сорочки были закатаны выше локтей, обнажая узловатые предплечья, иссеченные белесыми шрамами старых ранений. В тусклом люминесцентном свете лицо Кирилла казалось вырубленным из темного гранита: тяжелая челюсть была сжата так, что на скулах отчетливо проступали желваки, а серые глаза смотрели в темноту за бронеамбразурой с той первобытной, безжалостной концентрацией, которая появлялась у него лишь за секунду до смертельной схватки.

Агния сидела в кресле напротив навигационной панели.

Она сменила шелк на строгий дорожный костюм: приталенные брюки из плотной графитовой шерсти и жакет с серебряными пуговицами, под которым скрывался тонкий скрытый кевларовый жилет. Ее темные шелковистые волосы были перехвачены на затылке простой заколкой, открывая тонкую, алебастровую шею. На коленях лежал раскрытый титановый дипломат, из чрева которого тянулись оптоволоконные шупы к портам квантового криптотерминала.

Ее тонкие пальцы в полуперчатках из мягкой кожи непрерывно касались клавиатуры, но дыхание оставалось ровным и пугающе спокойным. На бледных щеках играл холодный отблеск строк системного кода.

— Центральная диспетчерская Октябрьской дороги на Комсомольской площади полностью легла под людей Морозова, — произнесла она. Голос Агнии звучал негромко, но резал тишину вагона, как отточенный скальпель. — Наш литерный график аннулирован. Они не просто выставили запрещающие сигналы на перегонах. Они перевели железнодорожный узел Химки в аварийный режим «техногенного сбоя».

Она повернула тактический планшет экраном к мужу.

На трехмерной спутниковой проекции, выведенной сквозь пелену снегопада, ярко пульсировали оранжевые тепловые метки:

— Мост через канал имени Москвы, граница Химок и МКАД. Стрелочный перевод номер четырнадцать заблокирован в положении на тупиковый путь отстоя тяжелых товарных составов. В тупике выставлен лобовой барьер: сцепка из двух маневровых тепловозов ТЭМ2, загруженных балластным щебнем. Масса преграды — более трехсот тонн.

Кирилл наклонился над столом, оперся кулаками о стальную столешницу и вперился взглядом в схему: — Что на насыпи?

— Три бронетранспортера БТР-82А без бортовой маркировки, — быстро продолжила Агния. — Два пулеметных гнезда на бетонных опорах эстакады и до сорока стрелков частной военной компании «Аксиома» в зимнем камуфляже. Расчеты тяжелых противотанковых комплексов «Корнет» развернуты на крыше тяговой подстанции справа по ходу движения. Они ждут, что мы начнем экстренное торможение перед красным семафором, сойдем на тупик и остановимся перед тепловозами.

Она подняла на него свои темные, расширенные глаза, в глубине которых мерцало ледяное пламя: — Это классический огневой мешок, Кирилл. Ловушка спроектирована по канонам советской контрразведки. Нас хотят перемолоть в стальной коробке за тридцать секунд, а затем забрать дипломат с ключами Госфонда из обгоревших обломков.

В тамбуре щелкнул ригель, и в отсек скользнул Глеб.

Начальник службы безопасности уже надел штурмовой бронешлем с опущенным забралом ночного видения, за плечом на одноточечном ремне висел укороченный автомат с глушителем, а на бедре покачивалась кобура с тяжелым автоматическим «Стечкиным». Лицо Глеба было мокрым от пота и тающего снега.

— Шеф, в хвосте состава все готово. Механики запустили предпусковой подогрев дизелей на обоих «Тайфунах». Платформа расчехлена, гидрозамки аппарелей сняты с предохранителей. Но если мы врежемся в маневровые на этой скорости, платформа просто сорвется с автосцепки и улетит в канал.

Кирилл медленно выпрямился во весь свой двухметровый рост. Его плечи расправились, натягивая плотную шерсть пальто, а на губах зазмеилась та самая хищная, беспощадная усмешка, которую Агния видела лишь в моменты, когда он ставил на кон собственную жизнь.

— Тормозить мы не будем, — отрезал Северский.

Глеб замер, нахмурившись: — Шеф? Триста тонн встречного металла на стрелке. Нас раздавит по инерции.

— Нас раздавит, если мы дадим им прицелиться, — голос Кирилла звучал с сокрушительной, непрекращаемой тяжестью боевого приказа. — «Корнеты» бьют на пять километров по лазерному лучу. Если сбросим скорость до пятидесяти, бронебойный кумулятивный заряд прошьет локомотив насквозь и сдетонирует в машинном отделении. Наш единственный шанс — пройти рубеж на кинетическом пределе.

Он шагнул к Агнии, положил тяжелую ладонь в тактической перчатке на ее тонкое плечо, притягивая к себе: — Машинисту — перевести ходовой контроллер в положение максимальной тяги. Выжать из дизеля все, на что способны форсунки. Скорость на входе на путепровод — не меньше ста сорока.

Кирилл повернулся к начальнику безопасности: — Глеб, комплекс «Красуха-Полюс» на крыше перевести в режим кругового направленного импульса максимальной мощности. За километр до моста выжечь все оптико-электронные каналы наводки ПТУРов и подавить радиоканалы управления детонаторами. Лобовой путеочиститель нашего тепловоза усилен титановым клином. Мы не станем маневрировать. Мы протараним сцепку и выбросим их тепловозы с путей.

Агния поднялась, не отводя от него глаз. Ее пальцы защелкнули тяжелые кодовые замки дипломата, и тихий щелчок титана прозвучал в тишине вагона громче выстрела.

— А если удар сорвет наш головной вагон с тележек? — спросила она. В ее голосе не было страха — только расчет коэффициента выживания.

— Он сорвет его, волчица, — Кирилл наклонился к ней, его обветренные губы на мгновение обожгли ее висок жестким, коротким поцелуем. — Мы ляжем на брюхо на насыпи прямо перед МКАД. И в эту же секунду выкатываем «Тайфуны». Мы перенесем бой на их территорию до того, как они успеют перезарядить пулеметы.

Он перевел взгляд на Глеба: — Агнию — в центральную монолитную бронекапсулу вагона. Защелкнуть пятиточечные ремни. Всем занять противоударные ложементы. Время до контакта?

Глеб взглянул на тактический таймер на предплечье: — Три минуты, командир.

В кабине локомотива рев шестнадцати цилиндров перешел в надрывный, оглушительный вой.

Турбокомпрессоры свистели, загоняя в дизель раскаленный воздух, стрелки тахометров и манометров тормозной магистрали замерли в красных зонах. Тепловоз «Северного Экспресса» летел сквозь ледяную мглу, как выпущенный из пращи стальной снаряд весом в сотни тонн. На метель впереди упал сноп яркого белого света мощного прожектора, выхватывая из темноты километровые столбы и серые бетонные перекрытия путепровода.

Внутри командного отсека Кирилл собственноручно застегнул тяжелые замки страховочных ремней на груди Агнии, зафиксировав ее в глубине бронированной капсулы, вваренной в силовой каркас вагона.

— Держись за ручки каркаса, — негромко сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Голову прижать к подголовнику. Зубы сжать.

— Кирилл... — она поймала его ладонь своей тонкой рукой, впиваясь пальцами в кевлар его перчатки с неожиданной, отчаянной силой. — Не смей оставаться снаружи капсулы.

— Я держу силовой поручень у переборки, — он коротко усмехнулся, и в его глазах полыхнул тот самый первобытный, волчий азарт, который заставлял ее сердце биться на пределе. — Я должен видеть, куда мы прилетим.

Северский шагнул к массивной центральной стойке вагона, намертво перехватил стальную трубу обеими руками и уперся коваными подошвами тактических ботинок в рифленый пол.

«ВНИМАНИЕ ВСЕМ ПОСТАМ! ДИСТАНЦИЯ ОДИН КИЛОМЕТР! ПРИГОТОВИТЬСЯ К УДАРУ!» — прохрипел динамик громкой связи голосом машиниста.

На крыше вагона глухо щелкнули силовые реле.

Генераторы комплекса «Красуха-Полус» выбросили в морозный воздух чудовищный электромагнитный импульс. На насыпи впереди мгновенно ослепили тепловизоры наемников, на мониторах наводчиков бронетранспортеров поползли рваные полосы белого шума, а головки самонаведения двух ракет «Корнет», только что сорвавшихся с пусковых установок на крыше подстанции, потеряли лазерную директрису.

Одна ракета с визгом ушла в заснеженное небо, вторая с глухим взрывом вспахала мерзлый откос в ста метрах правее железнодорожного полотна, взметнув столб черного дыма и ледяных комьев.

Но наемники «Аксиомы» успели среагировать.

Из темноты под мостом синхронно ударили автоматические тридцатимиллиметровые пушки 2А72 двух БТР-82А.

Тяжелые бронебойно-трассирующие снаряды распороли метель огненными пунктирами. Они ударили в лоб локомотива с оглушительным, дробящим грохотом, выбивая из стальных плит метровые снопы искр. Лобовые триплексы покрылись паутиной трещин, прожектор разлетелся в пыль, но тяжелый клиновидный бронеотвал удержал геометрию удара.

— ПЯТЬСОТ МЕТРОВ! — взревел динамик.

Сквозь треснувшее стекло триплекса Кирилл увидел их: два чудовищных зеленых корпуса маневровых ТЭМ2, намертво сцепленных между собой, перекрывали стрелочный перевод. Их массивные чугунные автосцепки тупо блестели в лучах аварийных огней.

— ДЕРЖАТЬСЯ! — крикнул Северский, напрягая мышцы спины и шеи до металлического звона в суставах.

УДАР.

Звук столкновения превзошел все, что человеческое ухо способно воспринять как звук. Это был сухой, тектонический грохот раскалывающейся планеты.

Клиновидный титановый бронеотвал «Северного Экспресса» на скорости сто сорок километров в час вошел в борт первого маневрового тепловоза, как топор в мерзлое полено. Сталь толщиной в сорок миллиметров лопнула с оглушительным визгом, рама ТЭМ2 вздыбилась, сминая дизельный отсек противника в гармошку. Трехсоттонная преграда заговорщиков со скрежетом оторвалась от рельсов и, кувыркаясь, полетела под откос насыпи, ломая железобетонные мачты контактной сети.

От чудовищного кинетического импульса головной локомотив Северского сорвало с колесных тележек.

Многотонный стальной корпус состава повело юзом. Колеса резали мерзлый щебень, круша шпалы и поднимая тучи каменной крошки. Вагоны начали складываться «змейкой», но тяжелая низко опущенная броневая юбка сработала как спасительные полозья: «Северный Экспресс» не опрокинулся набок, а с диким скрежетом пропорол насыпь, пропахал разделительный бруствер и на брюхе вылетел на технологическую полосу внешнего кольца МКАД.

Внутри командного отсека перегрузка была сокрушительной.

Кирилла оторвало от поручня и со страшной силой швырнуло спиной о бронированную переборку. Титановые пластины жилета погасили смертельный удар, но дыхание вышибло из легких горячей волной. В темноте с треском рвались кабели, с шипением стравливался сжатый воздух из разорванных тормозных магистралей, летели сорванные со стоек блоки радиоэлектроники.

Через бесконечные пять секунд скрежет металла о мерзлый асфальт стих.

Состав замер, накренившись на правый борт посреди снежной бури на обочине Московской кольцевой автодороги.

В тишине, наступившей после катастрофы, шипел вырывающийся из поврежденного охладителя пар.

Кирилл оперся ладонью о пол, сплюнул на рифленое железо каплю крови из разбитой губы и рывком поднялся на ноги. Его серые глаза мгновенно сфокусировались: рука метнулась к замкам бронекапсулы.

— Агния!

Замки отщелкнулись. Агния сделала глубокий, прерывистый вдох, ее пальцы судорожно разжались и вновь сомкнулись на рукояти титанового дипломата. Ее лицо было мертвенно-бледным, прядь темных волос прилипла ко лбу, но взгляд оставался абсолютно ясным, лишенным шока.

— Я цела, — выдохнула она, отталкивая ремни. — Локомотив уничтожен?

— Свою задачу он выполнил, — Кирилл рывком поставил ее на ноги, поддерживая за талию, пока она восстанавливала равновесие. — Мы на МКАД. Заслон разбит, но наемники с хвоста уже идут сюда.

Снаружи, сквозь вой метели, уже отчетливо доносились отрывистые команды и хруст снега под армейскими подошвами: — Первый и второй взводы — к головному вагону! Залить термобарическими из «Шмелей»! Никого живым не выпускать!

— Глеб! Доклад! — рявкнул Кирилл в портативную рацию на воротнике.

Сквозь треск помех прорвался тяжелый, злой голос безопасника: — Концевая платформа на асфальте, шеф! Оба «Тайфуна» целы, аппарели опущены! Разворачиваем курсовые пулеметы!

— Выкатывай машины и дави заслон на флангах! Мы выходим через правый аварийный люк!

Кирилл вскинул автомат СР-3М, вогнал плечо в заклинившую стальную створку аварийного выхода и с глухим рыком вышиб ее наружу. Морозный воздух, пахнувший горелой резиной, пороховой гарью и соляжкой, обжег лицо.

Северский выскочил на снег первым, ведя оружием сектор в сто восемьдесят градусов.

С насыпи, сквозь клубы горящего дизельного топлива от уничтоженного тепловоза, к вагону уже перебежками спускались шестеро наемников в черной штурмовой экипировке ЧВК «Аксиома». В оптических прицелах их автоматов АК-12 вспыхнули красные маркеры.

Кирилл не стал укрываться. Он шагнул вперед, сокращая дистанцию, и нажал спуск.

Короткие, филигранные двойки патронов СП-6 пробивали грудные бронеплиты противника с глухими, чавкающими звуками. Трое боевиков рухнули в снежную кашу, не успев вскинуть оружие. Оставшиеся трое залегли за бетонными обломками водопропускной трубы, открыв шквальный ответный огонь. Пули взвизгнули по броне вагона над головой Кирилла, осыпая его крошкой окалины.

В этот момент за его спиной тяжело ухнул крупнокалиберный пулемет.

ТУК-ТУК-ТУК-ТУК!

Тяжелый бронеавтомобиль «Тайфун-К», взметая всеми шестью ведущими колесами снежную кашу, вылетел из-за хвоста разбитого поезда. Его дистанционно управляемый боевой модуль с пулеметом «Корд» калибра 12,7 мм начал методично, с чудовищной разрушительной мощностью перемалывать укрытие наемников. Бетонная труба разлетелась в пыль, тела боевиков отбросило на обочину, а уцелевший БТР противника на железнодорожной насыпи, получив серию бронебойно-зажигательных пуль в моторный отсек, вспыхнул ослепительным факелом.

Второй «Тайфун» уже разворачивался на проезжей части МКАД, перекрывая своим двадцатичетырехтонным бронированным корпусом трассу от возможного преследования.

— Агния, в машину! — скомандовал Кирилл, прикрывая жену и ведя беглый огонь по уцелевшим стрелкам на насыпи.

Она двигалась с поразительной, отточенной собранностью. Прижимая дипломат к груди, Агния в три стремительных шага взбежала по опущенной кормовой аппарели броневику и скользнула в безопасное нутро десантного отсека. Следом влетел Кирилл, втаскивая за собой одного из раненых бойцов группы охраны, и ударил ладонью по кнопке закрытия шлюза.

Тяжелая бронированная дверь захлопнулась с глухим металлическим ударом гидрозамков.

— Водитель, ломай отбойник! — скомандовал Кирилл через переговорное устройство, тяжело дыша и меняя опустевший магазин автомата на свежий. — Уходим на внутреннее кольцо, затем по Звенигородскому шоссе к набережным!

Бронеавтомобиль взревел турбированным ярославским дизелем, дернулся вперед и сокрушительным ударом массивного кенгурятника снес металлическое барьерное ограждение магистрали. Многотонная машина вырвалась на пустые полосы МКАД и на скорости сто десять километров в час устремилась сквозь буран в сторону спящего мегаполиса.

Внутри десантного отсека «Тайфуна» горело дежурное рубиновое освещение.

Глеб сидел на откидном сиденье, ловко перетягивая кровоточащее плечо раненого бойца давящей повязкой: — Чисто ушли, шеф. Но на МКАД они нас не потеряют. Через десять минут Шелехов поднимет дежурные звенья вертолетов Ми-8МТВ с аэродрома в Кубинке, а все радиальные проспекты перекроют бетонными блоками и бронетехникой комендатуры. На этих машинах нам в центр не пробиться — нас зажмут на первой же площади.

Кирилл стянул тактические перчатки, бросил их на металлический настил и повернулся к жене.

Агния сидела напротив него. На ее воротнике чернела полоса пороховой копоти, на виске темнела тонкая ссадина от осколка триплекса, но в глазах не осталось даже тени усталости. Ее руки уже подключили кабель терминала к бортовой спутниковой антенне броневедомобиля, взламывая каналы правительственной навигации ГЛОНАСС.

— Нам не нужно пробиваться по улицам, — негромко произнесла она, поднимая взгляд на мужа.

Кирилл вперился в нее взглядом: — Ты подтвердила координаты точки входа?

— Подтвердила, — Агния развернула к нему экран планшета, на котором горела детализированная схема подземных горизонтов центра Москвы.

Тонкие линии гражданского метрополитена казались тонкими нитями по сравнению с тем, что залегало глубже. На глубине от ста до ста двадцати метров пульсировала закрытая кровеносная система власти — сеть специальных фортификационных тоннелей Д-6, созданная для выживания высшего руководства страны.

Она коснулась пальцем перекрестка Ильинки и Рыбного переулка, в трехстах метрах от Спасской башни Кремля: — Спецобъект номер сорок пять. Автономный железнодорожный терминал глубокого заложения. Построен в конце восьмидесятых годов под фундаментами комплекса Гостиного двора. Он напрямую соединен с правительственной веткой Д-6, уходящей на Внуково-2 и подземный командный пункт в Раменках.

— Что сейчас происходит на платформе? — глухо спросил Кирилл.

— Басманов лично контролирует финальную фазу операции, — пальцы Агнии вызвали перехваченную директиву с грифом «Особая важность». — В эти минуты на сорок пятом объекте завершается погрузка трехсот двадцати тонн монетарного золота Государственного фонда. Слитки упакованы в опломбированные контейнеры Гохрана и загружаются в четыре вагона-сейфа бронепоезда специального назначения.

Она сделала паузу, и в ее голосе зазвенела сталь: — Поезд должен выйти на магистраль Д-6 ровно в семь тридцать утра. Его маршрут — секретный тупик под аэродромом Чкаловский, где под парами стоят три тяжелых военно-транспортных самолета Ил-76. Конечная точка золотого запаса — Цюрих. Если они вывезут металл, Ареопак получит неограниченный финансовый ресурс на Западе, а военный переворот в Москве станет необратимым.

Кирилл поднялся в полный рост, коснувшись макушкой бронированного потолка салона. Его тяжелая рука легла на рукоятку пистолета «Удав» на бедре: — Где находится наземный ствол спуска на объект сорок пять?

— Закрытый внутренний двор комплекса зданий Управления делами Президента на Ильинке, дом семь. Там смонтирован сорокатонный автомобильный грузовой лифт специального назначения. Он опускает тяжелую технику прямо на погрузочную платформу Д-6.

Северский перевел взгляд на бойцов личной охраны: — Водитель, уходим с набережных в переулки Китай-города. До Ильинки — десять минут. Глеб, готовь штурмовые группы. Мы не станем осаждать этот бункер снаружи. Мы зайдем в их лифт, упадем на их горизонт и заберем этот бронепоезд вместе с золотом.

Агния поднялась следом за ним. Ее тонкая ладонь легла на его широкую грудь, ощущая сквозь титан бронезиления бешеный, ровный ритм его сердца: — Они ждут нападения снаружи, Кирилл. Они не верят, что кто-то посмеет спуститься в преисподнюю за ними.

Северский накрыл ее пальцы своей ладонью, сжав их до легкого хруста: — Они забыли, волчица, что преисподняя — это наш дом.

«Тайфун» с ревом свернул с набережной в узкие, заваленные снегом переулки старой Москвы, устремляясь к точке невозврата.

Глава 3. Врата преисподней: Спуск в Д-6

Снежная буря над Москвой-рекой стояла плотной белесой стеной, сквозь которую едва пробивались рубиновые огни кремлевских звезд.

Тяжелый трехосный броневедомитель «Тайфун-К» шел по Краснопресненской набережной на скорости девяносто километров в час, взрезая снежную целину всеми шестью колесами. Решетка массивного стального кенгурятника покрылась ледяной коркой, с шипением принимая на себя удары замерзшей крошки. Водитель вел машину в строгом режиме светомаскировки: узкие щели инфракрасных излучателей пробивали буран едва ли на двадцать метров вперед, а картинка ночного маршрута транслировалась прямо на центральный приборный монитор в кабине.

Слева, за гранитным парапетом набережной, спала подо льдом черная вода. Справа громоздились безмолвные, темные громады правительственных министерств.

Центр столицы вымер. В шесть часов утра город жил по протоколам комендантского часа: пустынные проспекты, тревожно мигающие желтым светом перекрестки и темные силуэты патрульных бронетранспортеров БТР-80 Росгвардии, наглухо перекрывших съезды на Новый Арбат, Знаменку и Большой Каменный мост.

— На Боровицкой площади выставлен мобильный заслон комендантского полка, — не отрывая взгляда от тепловизионного планшета, глухо доложил Глеб с переднего пассажирского сиденья. — Перекрыли проезжую часть тяжелыми трехосными «Уралами». Проверяют спецпропуска с голограммами Службы коменданта Кремля. Пробиваться напролом — значит поднимать гарнизон по боевой тревоге.

Кирилл стоял в узком проходе десантного отсека, широко расставив ноги и крепко удерживаясь рукой за потолочный стальной поручень.

— На мосты не выходить, — отрезал Северский. Голос его звучал ровно, с той смертоносной, не допускающей сомнений уверенностью, которая передавалась каждому бойцу в салоне. — Уходим подкрытие Кремлевской набережной. Огибаем Васильевский спуск, затем резкий подъем по Рыбному переулку. Если попытаются заблокировать узкую горловину — таранить на полном ходу, не сбавляя оборотов.

Агния сидела напротив оружейной пирамиды, плотно пристегнутая к анатомическому креслу многоточечными ремнями.

На ее коленях лежал раскрытый титановый дипломат, к служебному порту которого тянулся гибкий оптоволоконный кабель бортового шифратора спецсвязи. Пальцы Агнии в тонких кожаных перчатках порхали по сенсорной панели с пугающей, механической точностью. Отблески бегущих строк шестнадцатеричного кода отражались в ее темных глазах, делая черты лица похожими на тонкую, безупречно выточенную маску из белого каррарского мрамора.

— Камеры наружного видеонаблюдения по периметру Ильинки и Варварки ослеплены, — произнесла она, даже не подняв головы. — Я запустила циклическую вирусную петлю в серверы ситуационного центра на Старой площади. Для дежурной смены операторов наш броневик не существует. Картинка на их пультах транслирует пустой заснеженный переулок пятиминутной давности.

Она повернула голову к мужу, и тонкая прядка темных волос скользнула по ее виску: — Но у нас не больше семи минут, Кирилл. Инженерный мониторинг безопасности в комплексе ЦК построен на советских релейных дублерах. Как только дежурный офицер заметит расхождение по частоте кадров, он вручную перезагрузит распределительный оптический шкаф.

Кирилл опустился на одно колено рядом с ее креслом.

Его тяжелая рука в тактической перчатке легла поверх ее тонких пальцев, на мгновение остановив их бег по клавишам. Сквозь плотную ткань кевлара и кожи она почувствовала сухой, обжигающий жар его ладони.

— Семи минут нам хватит, волчица, — негромко произнес он.

В полумраке десантного отсека его серые глаза потемнели до цвета ночной стали. В них не было сомнений — лишь та абсолютная, хищная решимость, которая с самого начала вела их сквозь огонь чужих заговоров.

Агния чуть заметно сжала его пальцы в ответ. В этом коротком, скрытом от посторонних глаз жесте было больше интимной близости и доверия, чем в тысяче клятв. Они шли на штурм самого защищенного бункера континента, и эта бездна была их общей стихией.

«Тайфун» заложил крутой вираж у Москворецкой набережной, подняв колесами веер тяжелой снежной каши, и взревел форсированным дизелем, поднимаясь по крутому подъему в сторону Китай-города.

Через полторы минуты броневедомитель проскользнул в темную арку между циклопическими гранитными фасадами старых доходных домов и с приглушенным шипением пневматических тормозов замер перед глухими чугунными воротами закрытого внутреннего двора комплекса зданий на Ильинке, дом 7.

Внутренний двор правительственного комплекса встретил их мертвой, звенящей тишиной правительственного спецобъекта.

Здесь не было сугробов. Гранитная брусчатка подогревалась глубоко заложенными теплотрассами, и от мокрых темных плит в морозный воздух поднимался едва различимый сизый пар. В глубине двора, под массивным железобетонным навесом позднесоветской постройки, темнели монументальные стальные створки сорокатонного автомобильного грузового подъемника. Этот механизм, замаскированный под технический дебаркадер хозяйственного управления, предназначался для скрытного спуска тяжелой бронетехники и правительственных кортежей прямо на горизонт магистрали Д-6.

У бронированной будки КПП несли дежурство двое бойцов спецкомендатуры ФСБ в черных утепленных комбинезонах с шевронами Службы специальных объектов. На их груди висели укороченные автоматы АК-104 со сложенными прикладами.

Часовые среагировали мгновенно, заметив тяжелый незнакомый броневик без бортовых номеров, но было уже слишком поздно.

Кормовая аппарель «Тайфуна» с глухим шипением гидроприводов опустилась на брусчатку, и из клубящегося пара бесшумными тенями метнулись штурмовики Северского.

Кирилл двигался с невероятной для его двухметрового тела пластичностью и сокрушительной скоростью. Он преодолел разделяющие их десять метров за три пружинящих шага, войдя в мертвую зону часового прежде, чем тот успел вскинуть ствол.

Короткий, страшный удар ребром тяжелой перчатки в уязвимый стык шлема и бронезилета снес первого караульного с ног, мгновенно выключив его сознание. В ту же секунду Глеб перехватил второго: жесткий захват сзади, бросок через бедро на гранитные плиты и точный тычок основанием ладони в челюсть лишили часового возможности дотянуться до кнопки тревоги.

— Чисто, — выдохнул Глеб, затаскивая обмякшие тела внутрь теплой будки КПП и перерезая ножом телефонные провода резервной связи. — Периметр под контролем.

Агния уже стояла перед кодовой панелью грузового лифта.

Она сдернула защитную металлическую крышку сервисного разъема тонким титановым стилетом, обнажив многопиновый разъем советского стандарта ЗАС. Квантовый дешифратор с мастер-кодами покойного графа Валленштейна вошел в гнездо с мягким щелчком.

Строки на дисплее побежали с бешеной скоростью, взламывая замкнутые релейные цепи автоматики: *«ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ: ЗДАНИЕ 1090. ШАХТНЫЙ СТВОЛ № 4»*. *«АВТОРИЗАЦИЯ: ГРИФ "ОСОБАЯ ПАПКА". РЕЖИМ: АВАРИЙНЫЙ СПУСК»*.

В глубине гранитной толщи, глубоко под фундаментами Гостиного двора, с нарастающим утробным стоном ожили исполинские электрические лебедки.

Две трехтонные стальные створки, покрытые слоем защитной серой эмали, с металлическим лязгом и свистом стравливаемой гидравлики медленно поползли в пазы бетонных стен. Из разверзшейся шахты пахнуло промозглым холодом, запахом застоявшегося сырого известняка и машинного масла.

— Загоняй машину! — скомандовал Кирилл водителю.

Тяжелый «Тайфун» плавно вкатился на рифленый стальной настил грузовой платформы, просев на рессорах. Его габариты заняли практически всю полезную площадь подъемника.

Кирилл посадил Агнию внутрь платформы, следом заскочили Глеб и четверо оперативников личной охраны в тяжелой штурмовой броне.

Агния подошла к внутреннему пульту управления и с силой повернула массивный бронзовый штурвал аварийного спуска.

Внешние бронированные ворота захлопнулись с гулким грохотом, отрезая их от заснеженной Москвы. Платформа вздрогнула, под ногами запели натянутые многожильные тросы, и сорокатонная стальная клеть начала стремительное падение в бездну.

Вертикальный спуск на глубину сто двадцать метров сквозь древние геологические пласты столицы занял две бесконечно долгие минуты.

Барометрическое давление в шахте резко подскочило, заставив барабанные перепонки болезненно натянуться. Температура воздуха стремительно падала, остановившись на постоянной подземной отметке в плюс восемь градусов.

Сквозь решетчатые перекрытия потолка лифта проносились покрытые каплями конденсата чугунные тубинги шахтного ствола. Вдоль стен тянулись мощные пучки бронированных магистральных кабелей спецсвязи, толстые трубы принудительной фильтровентиляции высокого давления и дренажные коллекторы, уходившие в непроглядную темноту.

Здесь царила зловещая, вневременная атмосфера системы Д-6 — гигантского параллельного мегаполиса, созданного на случай ядерной войны, где поколения советских вождей рассчитывали пережить гибель внешнего мира.

Кирилл стоял у решетчатого борта платформы, положив руку на рукоять автомата СР-3М.

Агния стояла в полушаге от него, прижимая дипломат к бедру. Ее пальто распахнулось, на бледной шее мерно пульсировала жилка. Она смотрела вверх, туда, где в крошечной щели смыкающихся тубингов исчезала оставленная наверху жизнь.

— Ты чувствуешь это, Кирилл? — тихо спросила она, перекрывая гул несущихся тросов.

— Что именно?

— Воздух, — ее губы тронула холодная, призрачная улыбка. — Он пахнет страхом стариков, которые тридцать лет прятали здесь награбленное. Они думали, что если закопать золото на сто метров под землю, никто не сможет призвать их к ответу.

Кирилл повернулся к ней, его тяжелый, немигающий взгляд скользнул по ее лицу: — Сегодня они узнают, что земля умеет разверзаться снизу.

Платформа подъемника начала плавно замедлять свой бег. Тросы натужно взвыли, мощные гидравлические демпферы в основании шахты приняли на себя колоссальный вес сорока тонн стали, и лифт с глухим металлическим ударом зафиксировался в посадочных башмаках нижнего горизонта.

Тяжелые нижние створки шлюза разошлись в стороны.

Перед ними открылся сумрачный технологический штрек, залитый тусклым желтым светом дежурных взрывозащищенных ламп. Впереди, в пятидесяти метрах по прямому бетонному коридору, виднелась массивная противовзрывная дверь толщиной в полметра с круглым штурвалом ригельного запираания.

Кирилл вскинул автомат, дослав дозвуковой патрон СП-6 в патронник: — Водитель, заглушить двигатель «Тайфуна». Остаешься в шахте. Держать лифтовой ствол любой ценой. Если сверху спустятся штурмовые группы комендатуры — активировать аварийные пиропатроны и резать тросы клетки. Никто не должен войти за нами.

— Есть, командир, — коротко отозвался механик из кабины броневика.

Кирилл повернулся к бойцам: — Оружие на изготовку. Идем бесшумно. Огонь открывать только по моей команде.

Они двигались вдоль сырых гранитных стен технологического штрека сложенным клином, ступая бесшумно, как тени.

Глеб первым достиг массивного гермозатвора. Его пальцы в тактических перчатках нащупали штурвал ручного привода, густо смазанный слоем консервационного солидола, и плавно потянули его на себя. Замки отошли с едва слышным, маслянистым щелчком.

За дверью открылся узкий технологический коридор, переходящий в винтовую металлическую лестницу, которая круто уходила вверх — на подвесную смотровую галерею обслуживания вентиляционных коробов главного зала.

Поднявшись по рифленным стальным ступеням, Кирилл первым опустился на колено перед длинной горизонтальной решеткой вытяжного воздуховода и осторожно заглянул вниз.

Картина, открывшаяся под ними, поражала циклопическим размахом советской военной фортификации.

На глубине более ста метров под Китай-городом и Варваркой лежал гигантский двухпутный подземный вокзал спецобъекта № 45. Монолитные бетонные своды, усиленные чугунными ребрами жесткости, терялись в полумраке на высоте пятнадцати метров. Всю платформу заливал ослепительный, мертвенно-белый свет десятков мощных подвесных галогенных прожекторов.

На главном пути стоял готовый к отправлению эшелон специального назначения: тяжелый маневровый бронетепловоз и четыре бронированных вагона-сейфа темно-зеленого защитного цвета с литыми гербами СССР на бортах. Из выхлопных коллекторов локомотива уже вился тонкий сизый дымок — шестнадцатцилиндровый дизель прогревался на малых холостых оборотах, наполняя пространство тяжелым, вибрирующим гулом.

Но главное находилось прямо на платформе.

Вдоль железнодорожного полотна высились трехметровые баррикады — штабеля сотен тяжелых дубовых ящиков, стянутых стальной упаковочной лентой. На каждом контейнере чернели трафаретные клейма: *«ГОХРАН РОССИИ / ГОСФОНД / СПЕЦХРАНИЛИЩЕ № 1»*. Четыре электрических платформенных погрузчика лихорадочно заталкивали очередные партии контейнеров в распахнутые тяжелые двери броневагонов.

Триста двадцать тонн чистого золота 999,9 пробы. Физический каркас исчезнувшей советской империи, на котором Шелехов и Коллегия Семи выстроили свою теневую диктатуру.

Погрузкой лично руководил генерал-полковник Басманов. Первый заместитель директора ФСБ стоял возле открытой двери кабины тепловоза в расстегнутой шинели, нервно поглядывая на командирские часы и отрывисто отдавая команды офицерам комендатуры и трем десяткам тяжело экипированных наемников ЧВК «Аксиома».

Агния неслышно опустилась на колено рядом с Кириллом.

Ее плечо коснулось его плеча. Взгляд девушки скользнул по золотым штабелям, затем переметнулся на остекленную рубку поста электрической централизации стрелок в тридцати метрах правее состава.

— Погрузка на финальной стадии, — прошептала она одними губами прямо в ухо Кириллу. — Через восемь минут они задраят створки и состав уйдет на южную магистраль к аэродрому Чкаловский.

Кирилл медленно поднял автомат СР-3М, сквозь прорезь решетки фиксируя в прицельной планке силовой распределительный щит на противоположной стене подземного зала:

— Они никуда не уйдут.

Северский уже приоткрыл рот, чтобы отдать приказ Глебу на подавление прожекторов, но в эту же секунду судьба распорядилась иначе.

Один из наемников «Аксиомы», стоявший за турелью крупнокалиберного пулемета «Корд» на промышленном электропогрузчике в дальнем конце платформы, случайно повел стволом вверх. Мощный тактический фонарь под стволом пулемета полоснул лучом по рифленому металлу вентиляционного короба, выхватив из темноты холодный отблеск титанового шлема Кирилла и темный силуэт Агнии.

— Тревога! Наверху чужие! — истошно взревел пулеметчик на перроне.

Воздух под сводами терминала разорвало первой пулеметной очередью — и стальной настил технологической галереи содрогнулся под ногами штурмовой группы.

Глава 4. Штурм платформы: Бронепоезд Ареопага

Стальной настил подвесной технологической галереи содрогнулся под ногами от протяжного, оглушительного залпа крупнокалиберного пулемета.

Тяжелые пули патрона 12,7x108 мм с визгливым звоном вспарывали гофрированные короба приточной вентиляции, выбивая снопы ослепительно-белых искр и осыпая пространство дождем раскаленных металлических заусенцев. Кирилл среагировал за сотую долю секунды до того, как пристрелочная очередь перечеркнула решетчатую площадку: его тяжелая ладонь в тактической перчатке сгребла Агнию за воротник пальто, впечатывая ее в узкую нишу за массивным железобетонным пилоном шахтного ствола.

— Лежать! — отрезал Северский.

Над самой его головой со звоном пронесся рикошет, начисто срезав толстый силовой кабель дежурного освещения. Перерубленный провод сплясал в воздухе синей дугой короткого замыкания, осыпая их искрами.

Внизу, на залитом мертвенным галогенным светом перроне спецобъекта № 45, генерал-полковник Басманов уже выстраивал стрелковую цепь. Офицеры комендатуры в тяжелых бронежилетах и наемники ЧВК «Аксиома» рассредотачивались за штабелями грузовых контейнеров, поднимая стволы автоматов АК-105 к верхнему ярусу.

— Они намертво пристреляли обе маршевые лестницы! — перекрывая вой аварийной sireны, прокричал Глеб.

Он лежал в трех метрах правее, вжавшись в рифленую сталь настила, а ствол его автомата с глушителем контролировал срез нижнего марша.

— Плотность огня сплошная, шеф! Секунда на открытых ступенях — и нас срежет в воздухе!

Кирилл перевел флажок предохранителя СР-3М на непрерывный автоматический огонь. Лицо полковника оставалось ледяным, дыхание сквозь стиснутые зубы было ровным и расчетливым: — По лестницам мы не пойдем. Глеб, гаси свет. Агния — голову вниз и держаться за мной.

Северский приподнялся на одном колене, вскинул оружие и сквозь прорезь решетки выцелил центральный силовой распределительный щит платформы, смонтированный на противоположной гранитной стене зала. Палец плавно выбрал свободный ход спуска.

Три короткие, ювелирные очереди бронебойных патронов СП-6 прошли стальной кожей щитовой с расстояния в сорок метров. Внутри шкафа вспыхнуло яростное фиолетовое пламя. В ту же секунду с винтовочной точностью застучал автомат Глеба, методично раскалывая толстые стеклянные колбы подвесных галогенных прожекторов.

Взрыв главного понижающего трансформатора разорвал подземный гул глухим электрическим хлопком.

Огромный сводчатый зал спецобъекта № 45 мгновенно провалился в непроглядную, удушливую тьму.

Секунду спустя тишину разорвали тревожные багровые вспышки аварийных стробоскопов на колоннах. В оптике ночных прицелов наемников на долю секунды вспыхнула белая пелена оптической перегрузки фотоумножителей.

— Пошли! — скомандовал Кирилл.

Глеб сдернул с разгрузочного жилета две комбинированные гранаты «Заря-2», выдернул чеки и швырнул их вниз по крутой дуге, метя прямо в центр разгрузочной зоны. Раскатистый спаренный грохот светового удара в замкнутом объеме гранитного бункера оглушил и дезориентировал стрелков Басманова. Следом полетели две шашки мгновенной аэрозольной

завесы РДГ-М, заполнившие нижний ярус плотным, непроницаемым для тепловизоров термобарическим дымом.

Кирилл защелкнул тяжелый карабин десантного фала на силовой балке монорельсового тельфера, перехватил трос левой рукой и намертво прижал Агнию к своей груди правой: — Вниз. Держись за меня.

Скольжение сквозь двенадцать метров клубящегося дыма и багровых сполохов стробоскопов заняло меньше трех секунд. Подошвы кованых ботинок Кирилла с гулким металлическим ударом врезались в покатую крышу головного броневагона эшелона.

Не теряя набранной инерции, Северский спружинил ногами, перекатом ушел к противоположному краю крыши, увлекая Агнию за собой, прыгнул на бетон перрона и мгновенно втолкнул ее в глубокую нишу за массивным штабелем опломбированных контейнеров Гохрана. Долю секунды спустя рядом бесшумно приземлился Глеб, вскидывая оружие для кругового секторального контроля.

На перроне начался вязкий, беспощадный огневой контакт на дистанции пистолетного выстрела.

Опомнившиеся штурмовики «Аксиомы» открыли шквальный неприцельный огонь сквозь завесу дыма. Пули калибра 5,45 мм яростно щелкали по бронелистам поезда, рикошетили от гранитного пола и с глухим чавканьем вонзались в деревянные стенки контейнеров, за которыми укрылась группа.

Но тяжелое мореное дерево не раскалывалось. Свинцовые и стальные сердечники пуль не пробивали ящики насквозь.

Они со звонким визгом сминались и плющились о сверхплотное металлическое содержимое контейнеров, теряя всю кинетическую энергию в первые же миллисекунды соприкосновения.

— Золото держит баллистику лучше фортификационного кевлара, — сквозь зубы бросил Кирилл, отщелкивая пустой магазин и вбивая в горловину свежий.

В каждом ящике в четыре ряда лежали двенадцатикилограммовые слитки высшей пробы — триста двадцать тонн физического золота Государственного фонда СССР превратились для группы в несокрушимый бруствер.

Из клубящейся дымовой завесы слева вынырнули трое наемников с нацеленными приборами ночного видения, поливая платформу веерными очередями. Кирилл шагнул из-за штабеля на полкорпуса, вскидывая СР-3М. Три скупых, выверенных двойных выстрела — и боевики тяжело рухнули на бетон с пробитыми бронеплитами, сбив наступательный порыв фланговой группы.

С противоположного края перрона загремел крупнокалиберный пулемет «Печенег», установленный за капотом промышленного электропогрузчика. Тяжелые пули начали выкрашивать угол золотого штабеля, осыпая Агнию острой щепой и срезанными свинцовыми пломбами.

— Они пытаются прижать нас к колесным тележкам и дожидаться подхода штурмовых групп с верхних горизонтов! — крикнул Глеб, отсекая огнем двоих стрелков, перебежавших через железнодорожное полотно.

— Не дождутся, — Кирилл сорвал с пояса гранату РГД-5, зубами выдернул кольцо и точным стелющимся броском послал ее прямо под днище горящего погрузчика.

Глухой взрыв разорвал гидравлические магистрали высокого давления. Горящее трансформаторное масло и тормозная жидкость вспыхнули пятиметровым факелом, намертво перекрыв центральный проезд платформы и отрезав пулеметный расчет противника сплошной стеной бушующего огня.

Кирилл повернулся к жене. Ее лицо было бледным от копоти и предельного напряжения, но в глазах горел тот самый ледяной, царственный фокус, лишенный малейших признаков

паники: — Агния, твой выход. В тридцати метрах по правому борту — остекленная рубка электрической централизации стрелок. Мне нужен этот состав на ходу, а внешние выходы — замурованными.

— Прикройте меня, — коротко бросила она, поправляя ремень титанового дипломата. Рывок к рубке занял сорок секунд непрерывного огневого ада.

Глеб и Кирилл вели синхронный подавляющий огонь короткими отсечками, двигаясь плотным клином и укрывая Агнию своими телами. Каждая дульная вспышка автомата выхватывала из полумрака падающие тела наемников и монументальные гранитные пилоны бункера.

Когда они достигли тяжелой бронированной двери операторской, Кирилл выбил ригельный замок двумя выстрелами в упор и мощным ударом плеча втолкнул жену внутрь аппаратного отсека.

Помещение поста электрической централизации объекта № 45 напоминало командный пункт полка РВСН. Вдоль стены тянулась циклопическая мнемосхема путевого развития спецсистемы Д-6 с десятками мерцающих релейных индикаторов, а в центре высился дублирующий пульт диспетчерского управления стрелочными переводами Главного управления специальных программ.

Агния сбросила шерстяное пальто, оставшись в приталенном графитовом жакете, и опустилась в массивное кресло дежурного инженера. Ее пальцы молниеносно сорвали пломбу с сервисного порта центрального контроллера сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ).

— Протокол «Стрела-М», — заговорила она вслух с пугающим спокойствием, пока щупы квантового терминала синхронизировались с шиной данных. — Архитектура защиты закрытая, но алгоритм ключа шифрования совпадает с финансовыми клиринговыми шлюзами Госбанка СССР 1989 года. Они строили эту ветку на тех же микропроцессорах.

Снаружи, прямо у порога рубки, автоматные очереди смешались с яростными выкриками наемников. Глеб вел огонь из-за стального дверного косяка, методично отсекая попытки штурма: — Шеф! С тыловых тоннелей Китай-города идут дополнительные силы! Басманов запросил прямую поддержку комендантского полка ФСБ!

— У них нет времени! — крикнула Агния, не отрывая взгляда от зеленых строк ассемблерного кода, бегущих по экрану терминала.

Ее тонкие пальцы вбили решающую комбинацию директив: «*CRITICAL OVERRIDE: INTERLOCKING SYSTEM D-6*». «*SECTOR 45-SOUTH: ISOLATE PERIMETER*».

В глубине гранитной толщи подземного комплекса раздался протяжный, металлический стон мощных гидравлических приводов.

Многотонные противовзрывные гермозатворы внешнего контура, отделявшие объект № 45 от служебных тоннелей гражданского метрополитена и правительственных бункеров Лубянки, с оглушительным грохотом опустились в монолитные пазы, наглухо запечатывая станцию от любых внешних подкреплений.

— Внешний периметр отрезан, — выдохнула Агния, и ее губы искривились в беспощадной усмешке. — Ни один батальон Басманова сюда больше не войдет.

Она мгновенно переключила интерфейс на управление стрелочным развитием: — Стрелочный перевод номер три переведен на южную соединительную ветку в сторону Раменок! Я подала на электроприводы повышенное напряжение в триста восемьдесят вольт. Сервомоторы заклинило намертво, контакты сплавилась. Диспетчеры на Старой площади больше не смогут перевести стрелку дистанционно или сбросить нас на тупиковый упор!

— Молодец, волчица, — голос Кирилла прозвучал жестко и торжествующе. — Теперь забираем состав.

Северский выскочил из рубки, ведя беглый огонь по платформе.

На путях у головного вагона оставалось не более пяти человек личной охраны Басманова. Сам генерал-полковник, поняв, что внешние тоннели заблокированы автоматикой, в ярости метался у открытой двери машинного отделения маневрового тепловоза, сжимая в руке автоматический пистолет Стечкина.

— Назад, суки! — взревел Басманов, заметив приближающегося Кирилла, и открыл бешеный огонь длинными очередями.

Пули АПС защелкали по бронеплитам локомотива. Глеб, прикрывавший продвижение командира с фланга, внезапно дернулся и осел на одно колено: шальная девятимиллиметровая пуля чиркнула его по внешнему краю бедра, рассекая камуфляж и оставляя глубокую кровавую борозду.

— Глеб, назад! — крикнул Кирилл.

Северский совершил стремительный, хищный рывок вперед, сокращая дистанцию. В три мощных шага он преодолел разделяющее их пространство, ворвался в мертвую зону обстрела Басманова и сокрушительным ударом ствола своего СР-3М сбил руку генерала. Пистолет с лязгом улетел под колесные тележки поезда.

Басманов, обладавший тяжелым телосложением и опытом рукопашного боя спецназа госбезопасности, не отступил. С глухим рыком он выхватил из ножен на поясе тактический клинок и нанес резкий, вспарывающий удар снизу в область печени.

Кирилл не стал уклоняться. Он встретил атаку жестким встречным блоком левого предплечья, принимая лезвие на толстую кевларовую накладку тактической перчатки. В ту же долю секунды его правая рука в железном захвате сомкнулась на горле генерала.

Хрустнули шейные позвонки под неодолимым давлением.

Кирилл сделал шаг вперед, используя всю массу своего двухметрового тела, и сокрушительным ударом лба в бронешлеме впечатал лицо Басманова в стальную обшивку локомотива.

Нос генерала брызнул кровью. Его ноги подкосились, и грузное тело сползло на бетон перрона.

Кирилл наступил коленом на грудь поверженного противника, сорвал с его шеи тяжелый титановый жетон с криптографическим ключом бортового запуска эшелона и подобрал выпавший из генеральского кармана защищенный армейский планшет спецсвязи «Атлас».

На экране планшета непрерывно пульсировал вызов особой важности с грифом Государственного комитета по чрезвычайному положению. На связи был председатель Ареопага Аркадий Шелехов.

Остатки наемников «Аксиомы», осознав, что командующий нейтрализован, а пути отхода заблокированы опустившимися гермозатворами, побросали оружие и бросились враспыльную, скрываясь в глубоких дренажных коллекторах нижнего горизонта.

Бой за терминал спецобъекта № 45 был окончен.

Агния подбежала к Кириллу, помогая раненому Глебу подняться. Начальник службы безопасности морщился от боли, но на ногах держался твердо: — Пустяки, шеф. Мягкие ткани. Кость цела.

Они втащили Глеба в просторное, экранированное машинное отделение дизельного мотовоза. Агния ловкими, быстрыми движениями разрежала штанину безопасника, обработала рану гемостатическим порошком и стянула бедро тугим компрессионным турникетом: — Жить будешь, Глеб. До свадьбы заживет.

— Лишь бы до вечера дожить, Агния Андреевна, — бледно усмехнулся тот, откидываясь на бронированную переборку.

Кирилл спустился на перрон, подошел к первому броневагону-сейфу и ударил прикладом по свинцовой пломбе запорного ригеля. Тяжелая створка с грохотом отъехала в сторону.

Внутри вагона стояли ровные, уходящие под самый потолок штабеля сотен деревянных контейнеров с литыми клеймами: «ГОХРАН РОССИИ / ГОСФОНД / ХРАНИЛИЩЕ № 1».

Северский сорвал крышку верхнего ящика острием ножа.

В полумраке тускло, матово, торжествующе блеснули четыре массивных слитка чистейшего золота 999,9 пробы. На каждом стояли исторические советские штампы Московского и Новосибирского аффинажных заводов: «1989 год / 12,5 кг».

Триста двадцать тонн монетарного золота великой державы. Весь материальный базис, на котором Шелехов и Коллегия Семи выстроили свою тридцатилетнюю теневую империю.

Агния поднялась на ступени вагона и замерла, глядя на золотые ряды. Ее глаза сверкнули холодным, пьянящим блеском абсолютной власти: — Они хотели купить на это свободу и личные армии на Западе. Они хотели оставить страну нищей.

— Они не получают ни грамма, — Кирилл защелкнул замок броневагона.

Он вернулся в кабину машиниста, вставил криптоключ Басманова в замок зажигания главной панели и нажал клавишу стартера.

Многотонный двенадцатицилиндровый дизельный двигатель вздрогнул. Под полом кабины с низким, утробным рокотом ожили тысячи лошадиных сил, наполняя гранитные своды терминала тяжелой, вибрирующей мощью.

Кирилл положил на панель управления планшет Басманова и провел пальцем по сенсору, принимая входящий видеовызов.

На экране вспыхнуло лицо Аркадия Шелехова.

Глава заговорщиков сидел в своем монументальном кабинете на Старой площади. Его безупречно сшитый костюм был застегнут на все пуговицы, но в ледяных выцветших глазах старика впервые за все время промелькнула едва уловимая тень смертоносного напряжения.

— Басманов? — требовательно произнес Шелехов. — Почему молчит терминал? Эшелон должен был выйти на перегон к Внуково двадцать минут назад!

Кирилл наклонился к объективу фронтальной камеры. Его лицо, иссеченное пороховой гарью и каплями крови, озарял рубиновый свет аварийной приборной панели:

— Басманов временно недоступен, Аркадий Николаевич.

Шелехов вздрогнул. Его тонкие губы сжались в белую нить: — Северский... Ты безумец. Ты загнал себя в могилу. Объект сорок пять заблокирован. Даже если ты перебил охрану, этот тоннель станет твоим склепом.

В кадр шагнула Агния. Она положила ладонь на широкое плечо мужа, глядя на своего бывшего хозяина с ледяным, царственным презрением:

— Вы ошиблись в расчетах, господин председатель. Ваши стрелочные приводы сгорели. Мы перенаправили маршрут эшелона «Аврора-45».

Она показала в камеру диспетчерский лист перегона: — Поезд с тремя сотнями тонн золота Госфонда не летит в Швейцарию. Мы ведем его не во Внуково. Мы ведем его на центральный съезд Д-6 прямо под Кремль и Старую площадь!

Голос Агнии звенел, как обнаженный клинок: — Через сорок минут мы выведем этот эшелон на спецплатформу комендатуры Московского гарнизона. Завтра утром весь мир увидит физические слитки, которые вы объявили утерянными в девяносто первом году. Это не просто конец вашего переворота, Шелехов. Это трибунал за государственную измену.

Лицо старика исказила гримаса бешеной, бессильной ненависти: — Вы не доедете. Я подниму саперные полки и завалю тоннель вместе с вами!

— Попробуй, старик, — усмехнулся Кирилл и разбил экран планшета рукоятью ножа.

Северский взялся за массивную стальную рукоять контроллера тяги и плавно потянул ее на себя.

Бронированный локомотив взревел, выбрасывая в вентиляционные вытяжки клубы горячего выхлопа. Мощные колесные пары с оглушительным лязгом провернулись на рельсах, сминая выставленные на путях платформенные тележки, и тяжелый золотой эшелон начал стремительно набирать ход.

Состав выбил стальные габаритные ворота погрузочного шлюза и на полной скорости ворвался в непроглядную, ледяную тьму главного тоннеля системы Д-6.

В эту же секунду на приборной панели ожил резервный монитор Агнии.

На экране замигала перехваченная экстренная директива Генерального штаба: *«ВНИМАНИЕ ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ. СЕКТОР “РАМЕНКИ-ЦЕНТР”. ОПЕРАЦИЯ “ОБВАЛ”. ПРИКАЗ: ПОДРЫВ ВЕНТИЛЯЦИОННЫХ СТВОЛОВ МАГИСТРАЛИ Д-6 НА ПЕРЕГОНЕ КИТАЙ-ГОРОД — КРЕМЛЬ»!*

Впереди, во тьме тоннеля, уже начинали глухо детонировать первые фугасные заряды.

Глава 5. Прорыв сквозь «Обвал»: Таран перегона

Тяжелый шестнадцатилиндровый дизель бронепоезда ревел в замкнутом пространстве тоннеля Д-6 с такой первобытной яростью, что казалось, вибрировали сами вековые гранитные пласты.

В кабине маневрового локомотива пахло раскаленным моторным маслом, озоном от коротких замыканий и едким пороховым дымом, въевшимся в тактическую экипировку. За узкими амбразурами лобовых бронестекол царила абсолютная, ледяная тьма правительственной ветки, которую с трудом пробивал единственный уцелевший прожектор высокой мощности. В его дрожащем белом луче уходили вдаль две нити рельсов, блестевшие каплями сырого конденсата.

На этой глубине — более ста двадцати метров под фундаментами древнего города — отсутствовал гражданский контактный рельс. Здесь правила только автономная дизельная тяга тяжелых маневровых тепловозов, построенных на случай ядерной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.